

Мистер

Автор:

Э. Джеймс

Мистер

Э. Л. Джеймс

Эрика Джеймс. Мировое признание

«Мистер» – новый захватывающий роман от Э. Л. Джеймс, автора трилогии «Пятьдесят оттенков», взорвавшей книжный рынок.

Лондон. У Максима Тревельяна есть все: привлекательная внешность, аристократическое происхождение и деньги. Ему никогда не надо было работать и редко приходилось спать одному. Но все меняется в один миг, когда случается трагедия. Максим наследует высокий титул, состояние и имение своей семьи, а одновременно и всю ответственность. И к этой роли он, увы, оказался не готов.

Тогда же в его жизни появляется загадочная женщина, которая совсем недавно приехала в Англию. Скрытная, красивая и музыкально одаренная, она – соблазнительная загадка. Влечение Максима к ней усиливается и перерастает в страсть, которой он прежде не испытывал. Кто такая Алессия Демачи? Сможет ли Максим защитить ее от зла, которое ей угрожает? Как она поступит, когда узнает, что у Максима тоже есть секреты?

Непредсказуемые повороты сюжета, опасность и страсть – все это «Мистер», книга, которая заставит вас затаить дыхание и не отпустит до последней страницы.

Э. Л. Джеймс

Мистер

E. L. James

THE MISTER

Cover design and photograph by Erika Mitchell Cover image reproduced with kind permission of the Royal Borough of Kensington and Chelsea Back cover photograph © Kwangmoozaa/Shutterstock

© Гордиенко В., перевод на русский язык, 2019

© Сафронова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Мистер» рассказывает историю богатого, красивого аристократа, который влюбляется в загадочную женщину с темным прошлым. Честно, «Пятьдесят оттенков серого» отдыхает в сторонке.

Cosmo

* * *

Посвящается Тии Эльбе. Благодарю тебя за мудрость, силу, хорошее настроение и разумный подход к жизни. А больше всего – за любовь.

daily /'dalli/ – сущ. неформ. 1. Ежедневная газета, которая выходит каждый день, кроме воскресенья. «О суде рассказали популярные ежедневные газеты». 2. брит. англ. устар. Приходящая прислуга, которая регулярно убирает в доме. «Горничная убирает мой дом ежедневно...»

Пролог

Нет. Нет. Нет. Только не мрак. Не удушающая тьма. Не черный полиэтиленовый мешок. Невыносимый гнетущий страх не дает дышать.

Я задыхаюсь. Задыхаюсь.

К горлу подкатывает ком. Во рту горько-кислый привкус.

Так надо. Иначе ничего не выйдет. Сиди тихо. Не шевелись. Дыши медленно. Неглубоко. Как он советовал. Скоро все кончится. Кончится навсегда, и я буду свободна. Свободна. Свободна.

Давай. Не медли. Беги. Беги. Беги. Давай.

Она мчится со всех ног, без оглядки. Страх гонит вперед, и тень быстро скользит мимо редких припозднившихся покупателей. Удача на ее стороне – раздвижные двери открыты. Она пронесется под безвкусными праздничными украшениями и выбегает на стоянку перед универмагом. И снова бежит – вперед, только вперед. Мимо машин, в лес – а там летит сломя голову по узкой тропинке, сквозь кусты ежевики, и тонкие веточки хлещут ее по лицу. В груди горит, сердце колет. Вперед. Скорее. Вперед. Только не останавливаться!

Холодно. Холодно. Как холодно...

От изнеможения путаются мысли. Она ужасно устала и замерзла. Ветер воет среди деревьев, треплет одежду, пробирает до костей. Она сворачивается под кустом и онемевшими руками сгребает листья, строя себе что-то вроде гнезда.

Спать.

Нужно поспать. Она опускается на стылую твердую землю, позабыв от усталости и о страхе и о слезах.

А остальные? Они выбрались?

Она закрывает глаза.

Спаслись? Хоть бы они были на свободе. В тепле... И почему все пошло вот так?

Она просыпается, дрожа от холода. На этот раз она спала за мусорными баками, завернувшись в газеты и укрывшись картоном. Надо идти. У нее есть адрес. Благодарение богу, которому молится бабушка, адрес у нее в руке. Дрожащие пальцы разворачивают листок бумаги. Вот куда ей нужно. И она пойдет туда. Немедленно.

Шаг правой... потом левой... Она едва идет. На большее нет сил. Идет. Потом спит на каком-то пороге. Снова идет. Пьет воду в «Макдоналдсе», прямо из-под крана, в туалете. Как вкусно пахнет еда!

Холодно, голод будто когтями впивается в живот. А она все упрямо шагает, сверяясь по карте. По краденной карте. Украденной из магазина. Из универсама, где перемигивались разноцветные лампочки и звучали рождественские песенки. Изо всех оставшихся сил она сжимает в руке мятый, разорванный листок бумаги, который так долго прятала в ботинке.

Она устала. Очень устала. И вся грязная. Ужасно перепачкалась, замерзла и еле жива от страха. Только бы дойти. Дрожащей рукой она нажимает на дверной звонок.

Магда ее ждет. Мать ей обо всем написала. И Магда с улыбкой распахивает объятия. Однако тут же отшатывается.

– Господи Иисусе, девочка моя! Что с тобой стряслось? Я ждала тебя еще на прошлой неделе.

Глава 1

Тупой, бездумный секс – сколько всего хочется сказать в его защиту! Ни обязательств, ни разочарований. Главное – запомнить имена. Как там звали последнюю? Жо-жо? Жанна? Джоди? Не важно. Просто безымянная шлюшка, которая вечно стонала – и в кровати, и вне ее.

Не спится. Слишком я взвинчен. Лежа на спине, пялюсь на рябь на потолке – отражение Темзы.

Сегодня у меня Каролина. Ее безымянной шлюшкой не назовешь, она не из тех. И какого дьявола мне взбрело в голову привести ее к себе? Прикрыв глаза, я старательно заглушаю тихий внутренний голос, который настойчиво интересуется: «Ты спятил, что ли? Зачем ты спишь с лучшим другом... и не в первый раз?» Каролина неподвижно лежит рядом, ее холеное тело залито серебристым сиянием январской луны, длинные ноги переплетены с моими, а голова покоится на моей груди.

Вот ведь подлец. Мерзавец. Потирая щеку, я пытаюсь стереть ненависть к самому себе, а тем временем просыпается Каролина, выныривает из полудремы. Наманикюренный пальчик скользит по моей груди, затем спускается к животу и обводит пупок. Даже не глядя, я чувствую, как на лице Каролины расцветает сонная улыбка, когда тонкие пальчики спускаются ниже и теребят волосы у меня на лобке. Перехватываю ее руку и подношу к губам.

– Каро, для одной ночи прегрешений достаточно. Согласна?

Нежно целуя каждый пальчик, я надеюсь смягчить отказ и умиловать Каролину. Я устал и измучился от нескончаемого аккомпанемента угрызений совести, которые не дают мне покоя. Господи, Каролина, мой самый близкий друг... и жена моего брата. Бывшая.

Нет. Не жена. Вдова.

Какое печальное слово, под стать прискорбному событию.

– Ах, Максим, прошу тебя. Подари мне забвение, – шепчет она и нежно целует меня в грудь влажными губами.

Откинув с лица локоны, Каролина призывно и тоскливо смотрит на меня сквозь длинные ресницы.

Я беру ее прелестное лицо в ладони и качаю головой.

– Нам нельзя.

– Молчи. – Она прижимает тонкий пальчик к моим губам, не давая произнести ни слова. – Пожалуйста. Я больше не могу.

С моих губ срывается стон. Такими темпами я отправлюсь прямо в ад.

– Прошу тебя, – умоляет она.

«Черт... вот он – ад, раскрывает объятия».

Я тоже тоскую по брату, мне тоже плохо, очень плохо, а Каролина – та ниточка, что связывает меня с ним. Я накрываю ее губы своими и медленно опускаю ее на постель.

Едва открыв глаза, я щурюсь от яркого света – зимнее солнце заливает комнату. Каролины рядом нет, замечаю я с облегчением, однако осталась тень сожаления, и на подушке белеет записка:

Пужинаешь сегодня с Папулей и Мамулей?

Пожалуйста, приходи.

Они тоже в трауре.

Лю.

Обнимаю.

Вот же хрень.

Совсем некстати. Закрыв глаза, я радуюсь одиночеству в собственной постели. Хорошо, что мы приехали в Лондон, хотя прошло всего два дня после похорон. Даже несмотря на наши ночные забавы.

«И как нас угораздило так вляпаться?»

«Всего по глоточку, на ночь», – сказала она.

Я взглянул в ее огромные синие глаза, полные печали, и сразу понял, чего она ждет. Точно так же она смотрела на меня в тот вечер, когда мы узнали о несчастном случае с Китом, а потом и о его смерти. Тогда я не смог сказать ей «нет». Мы не раз были на грани, однако той ночью я забыл обо всем и просто трахнул жену моего брата.

А теперь все повторилось, хотя Кита проводили в последний путь лишь два дня назад.

Я хмуро изучаю взглядом потолок. Жалкое ничтожество – вот что я такое, вернее и не скажешь. Но ведь и Каролина такая же.

Хотя у нее есть оправдание: она в трауре, испугана, не знает, чего ожидать, а я ее лучший друг. К кому же еще ей обратиться в трудную минуту? Я сыграл предложенную мне роль – утешил скорбящую вдову.

Скомканная записка летит на деревянный пол и скользит под диван, заваленный моей одеждой. Я провожаю бумажный комок хмурым взглядом и вновь закрываю глаза, не желая видеть полупрозрачные тени под потолком – они будто насмеются надо мной и моими мыслями.

Кит был хорошим парнем.

Кит. Наш дорогой Кит. Все его любили – даже Каролина. Ведь она выбрала его! Я вдруг вспомнил, каким увидел Кита в морге – изломанное тело под простыней. Набрав в легкие побольше воздуха, я гоню непрошеное воспоминание, а к горлу подкатывает ком. Киту с нами не повезло. Он заслуживал куда лучших друзей, чем дорогуша Каро и я – неприкаянный, никчемный прожигатель жизни. Кит не заслужил этого... предательства.

Дьявольщина.

Да кого я обманываю?

Мы с Каролиной два сапога пара. Она утолила мое желание, а я – ее. Мы взрослые, в сущности, свободные люди. Ей понравилось. Мне тоже. Это вообще мой конек – трахать изнемогающих от желания красоток всю ночь до утра. Хоть какое-то занятие.

Благодаря сексу я в отличной форме, а в судорогах страсти я узнаю о женщине все, что нужно: как заставить ее вспотеть, и кричит она или плачет, когда кончает.

Каролина – плакса.

Каролина совсем недавно овдовела.

Черт.

А я остался без старшего брата, без путеводного маяка, за которым я следовал последние годы.

Черт.

Стоит закрыть глаза, и я снова вижу бледное лицо мертвого Кита. У меня в груди будто зияет дыра.

Невосполнимая потеря.

Какого дьявола он покати́л в тот вечер на мотоцикле по скользкой дороге? Ума не приложу. Кит всегда был самым здравомыслящим, самым уравновешенным и умелым, воплощенная Надежность.

Из нас двоих семья гордилась Китом, он высоко нес знамя семейной репутации и вел себя безукоризненно. Он трудился в Сити, представлял деловые интересы семьи – весьма обширные. Кит никогда не принимал поспешных решений, не гонял на машине как сумасшедший. Старший, благоразумный брат неизменно шел к вершине, а не катился под гору. Не блудный сын, как некоторые. Вот я – обратная сторона медали. Паршивая овца. От меня никто ничего не ждет. Об этом я ревностно забочусь. Постоянно.

С мрачной миной я сажусь на кровати, щурясь от резкого утреннего света. Пора в спортзал. Совсем рядом, только в подвал спуститься. Бег, секс и фехтование – и я в хорошей форме.

Гремит танцевальная музыка, по спине крупными каплями катится пот, а я резко втягиваю в легкие воздух. Стучу подошвами по беговой дорожке, и с каждой секундой в голове проясняется. Ожесточенно довожу себя до предела, хочу устать до невозможности. Обычно на пробежке я сосредоточиваюсь и благодарю свое тело – физические упражнения приносят боль, но я счастлив, что в состоянии ее чувствовать, даже если горят легкие и ноют мышцы. Сегодня я ничего не хочу чувствовать. Адски-жуткая неделя высосала меня до капли. Мне нужна лишь боль от усталости, физическая боль. А не боль потери.

«Бежать. Дышать. Бегу. Дышу».

«Не думать о Ките. Не думать о Каролине».

«Бежать. Бежать. Бежать».

В заключительные минуты пятимильной пробежки я замедляю шаг, позволяя вернуться лихорадочным мыслям. Впервые за долгие годы у меня вдруг образовалась куча дел.

Пока Кит был жив, я жил по раз и навсегда устоявшемуся расписанию: с утра приходил в себя после вчерашнего, а потом придумывал, чем занять следующий вечер и ночь. И все. Больше ничего. День за днем. Не люблю вытаскивать на свет божий подробности своей жизни, однако в глубине души я прекрасно знаю, что мое существование лишено малейшего смысла. В двадцать первый день рождения мне открылся доступ к очень солидному трастовому фонду, и с тех пор я ни дня по-настоящему не работал. В отличие от старшего брата, который пахал за двоих. Кит трудился без отдыха, но, честно говоря, у него не было выбора.

А сегодня все изменилось. Я обязан проследить за исполнением последней воли Кита, что само по себе шутка еще та. Последняя хохма Кита, какие уж тут сомнения, однако раз старший брат занял место в семейном склепе, то пришло мое время огласить завещание и... как бы это поточнее выразиться, его исполнить.

Кит не оставил наследников.

Беговая дорожка останавливается, и я вздрагиваю с головы до ног. Не хочу думать о неизбежных сложностях.

Схватив айфон, я набрасываю на шею полотенце и бегу вверх по лестнице на шестой этаж, в свою квартиру.

Сбрасываю одежду в спальне прямо на пол и топаю мыться.

Под душем, намыливая голову, стараюсь сообразить, что же мне делать с Каролиной. Мы знакомы со школы. Нам было по тринадцать лет; и ее, и мои родители развелись, и мы учились в одном пансионе, когда ощутили друг в друге родственные души. Я был новеньким, и Каролина взяла меня под свое крыло. Мы стали неразлучны. Она была и всегда будет моей первой любовью,

первой девушкой, с которой я переспал... и так неудачно... аж вспомнить противно. Спустя годы она предпочла моего брата. Несмотря на такой ее кульбит, мы остались друзьями и не касались друг друга – пока Кит был жив.

Черт. С этим пора кончать. Кому нужны дополнительные сложности. Я бреюсь, и из зеркала меня сурово рассматривают горящие зеленые глаза.

«Не вздумай все испортить. Каролина – твой друг, один из немногих. Лучший друг. Договорись с ней. Она знает, что мы слишком разные и не сможем быть вместе». Я киваю своему отражению, чувствуя, что понял, как поступить с Каролиной, и вытираю с лица пену. Бросив полотенце на пол, направляюсь в гардеробную. Там выбираю из стопки одежды черные джинсы и с облегчением обнаруживаю на вешалке выглаженную белую рубашку и черный блейзер только из химчистки. Обедаю я сегодня с юристами, которые ведут дела нашей семьи. Быстро надев ботинки, снимаю с вешалки пальто – на улице не жарко.

Черт, сегодня же понедельник!

Моя горничная Кристина, пожилая полька, придет убирать квартиру ближе к обеду.

Я кладу на столик в коридоре пару купюр, включаю сигнализацию и закрываю за собой дверь. Щелкнув ключом в замке, сбегая по ступенькам. Обойдусь и без лифта.

На набережной Челси прозрачный холодный воздух, затуманивает его лишь пар моего дыхания. Я всматриваюсь вдаль, за мрачные, серые воды Темзы, смотрю на Пагоду Мира на противоположном берегу. Я давно ищу тишины и покоя, но, судя по всему, обрести их смогу очень нескоро. Надеюсь, что за обедом мне ответят на некоторые вопросы. Остановив взмахом руки такси, я прошу отвезти меня в Мейфер.

Юридическая контора «Павел, Мармонт и Хоффман» находится в великолепном георгианском особняке на Брук-стрит и представляет интересы нашей семьи с тысяча семьсот семьдесят пятого года. «Пора взрослеть», – бормочу я себе под нос, открывая тяжелую деревянную дверь.

– Добрый день, сэр, – сияя улыбкой, приветствует меня юная секретарша.

На ее смуглых щеках горит румянец. Симпатичная, неброская внешность. В другом месте и в другое время я бы в пять минут уболтал ее дать мне номер телефона, но сейчас я здесь не за тем.

– У меня встреча с мистером Раджой.

– Как вас зовут?

– Максим Тревельян.

Пробежав глазами по экрану компьютера, девушка качает головой и хмурится.

– Садитесь, прошу вас.

Она указывает на два обтянутых коричневой кожей кресла-честерфильда в отделанной строгими панелями приемной, и я мешком падаю в ближайшее ко мне, по пути снимая со стола утреннюю «Файненшл таймс». Девушка что-то настойчиво говорит по телефону, пока я разглядываю первую страницу газеты, не понимая ни единого прочитанного слова. Потом двустворчатые двери распахиваются, и ко мне направляется сам Раджа, протягивая руку для приветствия.

Я встаю.

– Добрый день, лорд Треветик. Позвольте выразить мои искренние соболезнования, – говорит Раджа, пожимая мне руку.

– Прошу вас, называйте меня по-прежнему – Тревельян. Мне еще только предстоит привыкнуть к титулу брата.

Теперь это мой титул.

– Конечно. – Мистер Раджа вежливо, с уважением кивает, чем раздражает меня невероятно. – Идемте. Ланч накрыт в столовой, и скажу без ложной скромности: у нас великолепная коллекция вин, одна из лучших в Лондоне.

Я зачарованно слежу за пляской пламени в очаге моего мейферского клуба.

Граф Треветик.

Теперь это я.

Невероятно. И полный кошмар.

В детстве я отчаянно завидовал титулу старшего брата. Кит всегда занимал в семье особое место, с рождения был всеобщим любимчиком. Особенно обожала его мать. Как же, основной наследник, а не какой-то там запасной. При рождении Кит получил титул виконта Портована, а в двадцать лет, после внезапной кончины отца, стал двенадцатым графом Треветиком. Мне двадцать восемь, и с сегодняшнего дня я тринадцатый граф – счастливое число! И хотя я всегда мечтал о дворянском титуле и всех привилегиях, которые он несет, получив желаемое, я чувствую себя воришкой, вторгшимся во владения брата.

«Прошлой ночью ты спал с его графиней. Чем не вторжение?»

Смакуя «Гленротс», я с иронической улыбкой шепчу:

– Призраки, пью в вашу честь.

Отец предпочитал виски «Гленротс» всем остальным крепким напиткам, и брат унаследовал его вкусы. С сегодняшнего дня этот напиток урожая тысяча девятьсот девяносто второго года займет особое место в моей коллекции.

Не помню, когда именно я смирился с наследством Кита и примирился с Китом – это случилось, когда мне еще не исполнилось двадцати. Брат получил титул, завоевал девушку, и мне оставалось лишь принять случившееся как факт. А теперь все стало моим. Всё.

«И даже твоя жена».

В завещании Кита ни слова не сказано о Каролине. Забавно.

Она не получила ничего.

Как и опасалась.

Такое упущение не в привычках Кита. Четыре месяца назад он составил новое завещание, ни словом не упомянув в нем о супруге. В браке они два года...

О чем он думал?

Конечно, Каролина имеет право оспорить завещание. И кто бросит в нее камень?

Я потираю лоб.

Что же мне делать?

Дребезжит телефон.

На экране высвечиваются буквы:

ГДЕ ТЫ?

Эсэмэска от Каролины.

Отключаю мобильник и заказываю еще выпить. Не хочу ее видеть сегодня вечером. Хочу раствориться в ком-то еще. В ком-то новом. Без обязательств и прочей чепухи. Заодно пополню свой победный счет. Вынув из кармана телефон, я открываю Тиндер.

– Максим, у тебя потрясающая квартира.

Она смотрит на мутные воды Темзы, поблескивающие в свете фонарей пагоды на другом берегу. Я снимаю с нее жакет и вешаю его на угол дивана.

- Желаете выпить чего-нибудь покрепче?

В гостиной мы не задержимся. Она понимает намек и перебрасывает на грудь темные блестящие локоны.

Карие, обведенные темным карандашом глаза пристально смотрят на меня.

Облизнув накрашенные губы, она приподнимает правую бровь и переспрашивает:

- Чего-нибудь покрепче? - Этот голос чарует, соблазняет. - А что ты пьешь?

Хм... намека она, выходит, не поняла, значит, кока-колы можно не наливать. Однако в нашей игре она явно на шаг впереди меня. Я подхожу чуть ближе, чтобы ей пришлось приподнять голову, не отводя от меня глаз. Я стою очень близко, но не касаюсь ее.

- Я не хочу пить, Хизер, - на два тона ниже отвечаю я, гордый, что запомнил ее имя.

Она сглатывает и приоткрывает губы.

- И я не хочу.

В ее глазах отражается призывная улыбка.

- Чего же ты хочешь?

Она медленно переводит взгляд на мои губы. Приглашение недвусмысленное. Помедлив мгновение, убеждаясь, что не ошибся, я целую ее. Коротко, едва коснувшись. Губы к губам всего на секунду - и все.

- Мне кажется, ты знаешь, чего я хочу.

Она погружает руку в мои волосы на затылке и притягивает к своему теплему и полному желания рту. На ее языке вкус бренди и едва уловимый аромат сигарет.

Странно. Не помню, чтобы она курила в клубе. Я крепко прижимаю ее к себе, обхватив одной рукой за талию, а другой исследую изгибы ее тела: тонкая талия и пышная грудь, которой она призывно прижимается ко мне.

Интересно, на вкус ее груди такие же приятные, как и на ощупь? Все увереннее погружаясь в страстный ротик, я одновременно скольжу ладонью вниз с ее талии.

- Чего хочешь ты? - выдыхаю я прямо ей в губы, прервав поцелуй.

- Тебя.

Она отвечает взволнованно, с придыханием. Явно возбуждена. Причем сильно. Она начинает расстегивать на мне рубашку. Я неподвижно жду, пока она стягивает с меня рубашку и бросает на пол.

Трахнуть ее здесь или все-таки на кровати? Не будем отказываться от комфорта.

- Идем, - говорю я и беру ее за руку.

Я нежно влеку ее за собой; мы выходим из гостиной, идем по коридору и входим в спальню.

Здесь убрано, как я и надеялся.

Боже, благослови Кристину.

Щелкнув выключателем на стене, я веду гостью к кровати.

- Повернись.

Хизер выполняет мою просьбу, слегка покачнувшись на высоких каблуках.

- Стой ровно.

Я прижимаю ее к себе, крепко обняв за плечи, а потом приподнимаю ее голову, чтобы посмотреть ей в лицо. Сначала она смотрит на мои губы, а потом прямо в глаза. Взгляд чистый. Сосредоточенный. Довольно трезвый. Коснувшись языком мягкой душистой шеи, я пробую Хизер на вкус.

- Не пора ли прилечь?

Я расстегиваю короткое красное платье и стягиваю его с плеч, помедлив мгновение, когда оголяются полускрытые алым бюстгалтером полушария груди. Нежно провожу большими пальцами по кружевным чашечкам. Девушка со стоном выгибает спину, вжимаясь грудью в мои ладони.

О да.

Проскальзываю большими пальцами под тонкую ткань и нежно поглаживаю кожу вокруг твердеющих сосков. Хизер, не оборачиваясь, тянется к пуговице моих джинсов.

- У нас вся ночь впереди, - тихо говорю я, отстраняясь.

Платье легко соскальзывает и алой лужицей собирается у ее ног. пышный зад обрамляют красные стринги.

- Обернись. Я хочу на тебя посмотреть.

Хизер перекидывает длинные пряди на грудь и поворачивается, обжигая меня взглядом из-под ресниц. Грудь у нее - шикарнее не придумаешь.

Я улыбаюсь. Она улыбается.

Похоже, будет весело.

Ухватив мой пояс джинсов, она резко дергает - и ее великолепные груди тугими мячиками упираются в мою грудь.

- Поцелуй меня, - низким, требовательным голосом произносит она и проводит языком по верхним зубам.

У меня мгновенно сводит мышцы в паху.

– Счастлив повиноваться, мадам.

Я беру ее за голову, погружаясь пальцами в шелковистые пряди, и целую – на этот раз куда грубее. В ответ она хватается меня за волосы, и наши языки сплетаются. Хизер, отстранившись, с вожделением смотрит мне в глаза, как будто наконец разглядев и оценив меня по достоинству. Потом ее пылающие от страсти губы снова прижимаются к моим.

Вот черт! Она и правда хочет секса.

Проворные пальчики отыскивают верхнюю пуговицу на моей ширинке, и Хизер резко выдергивает ее из петли. Усмехнувшись, я перехватываю ее руки и осторожно толкаю назад – мы вместе падаем на кровать.

Хизер. Ее зовут Хизер, и она крепко спит рядом со мной. Часы возле кровати показывают пятнадцать минут шестого. Раннее утро. Трахается она здорово, никаких претензий. Вот только пусть теперь убирается. Долго мне еще лежать и слушать, как она дышит? Может, стоило отправиться вчера к ней? Тогда я смог бы уйти. Однако моя квартира была ближе, и мы оба не хотели ждать. Уставившись в потолок, я мысленно прокручиваю в голове вчерашний вечер, вспоминаю, что успел узнать о новой знакомой.

Она работает на телевидении – «в телике», говоря ее собственными словами, – и на работу ей надо приходиться каждое утро, то есть получается, что уйдет она совсем скоро. Живет в Патни. Горячая штучка. Любит секс. Даже очень. Предпочитает позу «женщина снизу, на животе», кончает молча, а ее искусный ротик точно знает, как возбудить уставшего мужчину. При этих воспоминаниях мой член шевелится. А может, разбудить крошку и продолжить наши игры? Ее темные волосы веером разметались на подушке, лицо во сне такое безмятежное, что больно смотреть. Интересно, узнай я ее получше, так же корчился бы от зависти, глядя, как мирно она спит?

Ох ты, мать твою. Ушла бы она поскорее...

«Ты боишься близости», – звенит у меня в голове насмешливый голос Каролины.

Каролина. Черт!

Она прислала три жалобных эсмэски и названивала вчера весь вечер – я не ответил ни разу. Достала своим нытьем! Мои джинсы мятой кучкой сгрудились на полу. Из заднего кармана я достаю телефон и оглядываюсь на Хизер. Спит. Даже не шевельнулась. Вот и вчерашние сообщения от Каролины.

ГДЕ ТЫ?

ПОЗВОНИ!

Обиженный смайлик.

Вот привязалась!

У нас с ней все давно решено. Она отлично меня знает. И новый переписхон ничего не изменит. Я люблю ее... по-своему, конечно. Как друг, давний добрый друг.

Я сдвигаю брови. Не позвонил ей вчера, и не собираюсь. Не знаю, что ей сказать.

«Трус», – шипит моя совесть. Отблески Темзы на потолке играют легко и свободно. Смеются надо мной. Напоминают, чего я лишился.

Свободы.

И что приобрел.

Ответственность.

Черт!

Меня переполняет чувство вины – незнакомое и непрошеное. Кит все завещал мне. Мне! А Каролина не получила ничего. Жена моего брата. И мы с ней трахались. Конечно, я виноват. И знаю, что в глубине души и Каролина чувствует свою вину. Потому-то она и ушла посреди ночи, не разбудив меня и даже не попрощавшись. Если бы девица, спящая сейчас в моей постели, проделала то же самое!

Я быстро набираю сообщение для Каро.

«Сегодня занят. Ты в порядке?»

Пять утра. Каролина еще спит. Можно выдохнуть. Разберусь с ней попозже, вечером... или завтра.

Хизер шевелится, ее глаза распахиваются.

– Привет, – неуверенно улыбается она. Я отвечаю ей тем же, однако ее улыбка меркнет. – Я, наверное, пойду.

– Ты уходишь? – Меня охватывает надежда. – Не нужно. Куда торопиться? – Мой голос звучит вполне искренне.

– Мне пора на работу, а в красном платье в офис лучше не показываться. – Она садится на кровати, прикрывая шелковой простыней свои прелести. – Все было... здорово, Максим. Я оставлю тебе свой номер телефона. Позвонишь? А в Тиндер не пиши, лучше по телефону.

– Конечно, позвоню, – без труда лгу я.

Притянув ее лицо к своему, я нежно целую девушку. Она сконфуженно улыбается. Потом встает, плотно завернувшись в простыню, и принимается собирать с пола одежду.

– Вызвать тебе такси?

– Я на Убере доеду.

– Ладно, вызову Убер.

– Спасибо. Мне в Патни.

Она диктует адрес, я встаю, натягиваю джинсы и, прихватив телефон, выхожу из спальни, чтобы не смущать девушку. Все-таки некоторые странно ведут себя утром после бурной ночи. Прямо тихони и скромняги. Куда пропала сладострастная сирена, с которой я провел ночь.

Заказав машину, я просто жду, глядя на другой берег Темзы. Наконец Хизер выходит и протягивает мне обрывок бумаги.

– Мой номер телефона.

– Спасибо. – Я засовываю записку в задний карман. – Машина будет здесь через пять минут.

Хизер неловко оглядывается, избегая смотреть в глаза. Молчание затягивается.

– У тебя уютная квартира, очень просторная, – говорит она, хватаясь за бессмысленную болтовню, как за спасательный круг. Заметив гитару и рояль спрашивает: – Ты играешь?

– Да.

Она направляется к роялю.

– Так вот почему у тебя такие искусные руки.

Хизер вдруг хмурится, будто осознав, что произнесла эти слова вслух, и ее щеки окрашиваются румянцем.

– А ты играешь? – спрашиваю я.

– Нет... Во втором классе училась играть на блок-флейте, а потом бросила. – Хизер с облегчением едва заметно улыбается; наверное, рада, что я не обратил

внимания на ее слова о моих руках. – А зачем тебе вот это все? – спрашивает она, кивнув на стопки дисков и iMac на столе в углу.

– Я диджей.

– Да?

– Кручу диски пару раз в месяц в одном клубе в Хокстоне.

– Так вот почему у тебя столько записей, – отмечает она, бросив взгляд на полки с виниловыми пластинками.

Я молча киваю.

– А фотографии? Тоже твоих рук дело? – Хизер показывает на черно-белые пейзажи – фотографии на холсте, которые украшают стены гостиной.

– Да. А еще я иногда и сам стою перед камерой.

Хизер непонимающе хмурится.

– Позирую фотографам. Для журналов, как правило.

– Ах вот оно что! Сколько же у тебя талантов!

Она улыбается чуть увереннее. Вот и хорошо. Она великолепна, настоящая богиня.

– И швец, и жнец, и на дуде игрец, – посмеиваюсь я над собой, и улыбка Хизер меркнет, между бровями появляется морщинка.

– Что-то не так? – спрашивает она.

Не так? Какого дьявола ей взбрело в голову?

– Нет, что ты. Все так. – Мой телефон коротко жужжит – пришло сообщение: машина для Хизер на месте. – Я тебе позвоню.

Я помогаю девушке набросить на плечи жакет.

– Нет, не позвонишь. Но ты не беспокойся. И не надо. Я прекрасно провела время.

– И я. – Не спорить же с ней! – Хочешь, спушись с тобой к машине? – спрашиваю я, провожая Хизер к входной двери.

– Я уже большая девочка. Пока, Максим. Была рада с тобой познакомиться.

– И я с тобой... Хизер.

– Молодец. – Ее лицо светится – довольна, что я запомнил имя. И я улыбаюсь в ответ. – Так даже лучше. Желаю тебе найти то, что ты ищешь.

Быстро приподнявшись на цыпочки, Хизер застенчиво целует меня в щеку, потом разворачивается и семенит на высоченных каблуках к лифту. Нахмурившись, я провожаю взглядом ее великолепную задницу, которая покачивается под красным платьем.

«Желает мне найти, что я ищу? Что еще за ребус? У меня всего предостаточно. И ты целую ночь принадлежала мне. Завтра на твоём месте будет другая. Разве мне нужно что-то еще?»

Прощальные слова Хизер неожиданно что-то во мне растревожили, однако, возвращаясь в спальню, я уже просто с облегчением вздыхаю: она ушла. Снимаю джинсы, залезаю под одеяло, а слова все крутятся у меня в голове, царапают по живому.

«Желаю тебе найти то, что ты ищешь».

Твою мать. Что за чушь?

Я только что унаследовал огромное поместье в Корнуолле, еще одно в Оксфордшире, земли в Нортумберленде и кусок Лондона, но какой ценой?

Перед глазами вновь встает мертвенно-бледное, безжизненное лицо Кита.

Черт.

Сколько народу теперь зависит от меня... многовато, честно говоря: арендаторы, работники поместий, прислуга в четырех усадьбах, застройщики в Мейфере...

Вот ведь хрень.

Да пошел ты, Кит, нашел время сдохнуть!

Закрыв глаза, я гоню непролитые слезы и впадаю в оцепенение под шелест прощальных слов Хизер.

Глава 2

Алессия поглубже зарывается руками в карманы старой куртки Михала, тщетно пытаясь согреть пальцы. Потуже обернув голову и шею толстым шарфом, она бредет сквозь леденящую зимнюю морось к многоэтажному дому на набережной Челси. Сегодня среда, уже второй день она работает одна, без Кристины, и направляется в большую квартиру, где стоит рояль.

Погода, конечно, настроения не улучшает, однако Алессия собой довольна: сегодня она доехала в Лондон сама, в переполненном вагоне поезда, без обычной тошноты и страха. Она начинает понимать Лондон, почувствовать этот город. Здесь слишком много людей, слишком шумно, слишком много машин. А хуже всего то, что люди друг с другом не разговаривают. Лишь изредка извиняются, если толкнули соседа, или просят: «Пройдите, пожалуйста, вперед». Все прячутся за бесплатными газетами, или слушают музыку в наушниках, или уткнулись в экраны телефонов и электронных читалок, избегая встречаться с соседями взглядом.

Утром Алессии повезло: удалось найти в вагоне свободное место, однако соседка всю дорогу визжала в трубку, рассказывая невидимому собеседнику о неудачном свидании. Алессия постаралась отвлечься, читала газету, чтобы выучить побольше английских слов, и втихомолку жалела, что у нее нет наушников, чтобы слушать музыку, а не страдать от стенаний незнакомки. Дочитав газету, Алессия закрыла глаза и вернулась в мечтах к великолепным горам в снежных шапках, к пастбищам, где ветер носит ароматы тимьяна и где всегда тихо жужжат пчелы. Она тоскует по дому. Скучает по тишине. По маме. И по своему пианино.

Вспоминая этюд, который она всегда играла, чтобы размять пальцы, Алессия представляет себе ноты, слышит их и видит яркие вспышки, а пальцы сами собой сжимаются и разжимаются в карманах куртки. Сколько же она не играла? Алессия взволнованно предвкушает встречу с роялем.

Она входит в старинное здание, идет к лифту, едва сдерживая нетерпение, и поднимается на последний этаж. Каждый понедельник, среду и пятницу эта удивительная просторная квартира с огромными комнатами, полами из темного дерева и роялем на некоторое время принадлежит ей. Алессия отпирает дверь, заносит руку над кнопкой отключения сигнализации, однако, как ни странно, привычного попискивания не слышно. Возможно, что-то сломалось или сигнализацию просто забыли включить. А может быть... О нет. Она в ужасе застывает – неужели хозяин квартиры еще дома? Напряженно вслушиваясь, чтобы уловить малейшие признаки жизни в гостиной или спальне, она стоит в холле, увешанном черно-белыми фотографиями. Ничего не слышно.

Mirë[1 - Хорошо (алб.)].

Нет. Надо сказать по-английски: «Хорошо». Думать нужно на английском. Кто бы здесь ни жил, он просто ушел на работу и забыл включить сигнализацию. Она никогда не встречала хозяина квартиры, но знает, что работа у него хорошая, ведь квартира такая большая. Как бы иначе он за все здесь платил? Алессия вздыхает. Может, он и богат, однако грязнуля тот еще. Она трижды приходила сюда с Кристиной, и каждый раз они часами приводили комнаты в порядок.

Сквозь окно в потолке коридора сочится серый дневной свет, и Алессия нажимает на выключатель на стене. Хрустальная люстра ярко вспыхивает.

Распутав шерстяной шарф, Алессия убирает его вместе с курткой в шкаф у входной двери. Вытаскивает из пластиковой сумки старые кроссовки, подарок Магды, и стянув мокрые ботинки и носки, надевает теплую сухую обувь, согревая промерзшие ноги. Тонкий свитер и майка – плохие защитники от пронизывающего холода. Девушка растирает руки, чтобы немного согреться, и проходит сквозь кухню, направляясь в прачечную. Там Алессия кладет пластиковую сумку на подоконник, вынимает из нее халат, доставшийся от Кристины, надевает его и закутывает голову тонким светло-голубым шарфом, чтобы не растрепать заплетенные в косу густые темные пряди. Достает из-за дверцы под раковиной пластиковое ведро с тряпками, губками и чистящим средством, подхватывает со стиральной машины пластиковую корзину и идет в спальню. Если поспешить, то останется время поиграть на рояле. Одной, в пустой квартире.

Она открывает дверь в спальню и застывает на пороге.

Он здесь!

Мужчина! Хозяин...

Он крепко спит, растянувшись нагишом поперек огромной кровати. Алессия в изумлении оглядывает его, испуганная и одновременно ошеломленная. Ее ноги будто приклеились к деревянному полу. Обнаженное тело, лишь кое-как прикрытое одеялом, занимает всю кровать. Он голый... совершенно голый. Лица спящего не видно, голова повернута к Алессии затылком с перепутанными темно-каштановыми прядями. Одна рука спряталась под подушкой, а другая вытянута в ее сторону. У мужчины широкие, мускулистые плечи, на бицепсах виднеется сложная татуировка, полускрытая простыней и одеялом. Спина у него загорелая, бронзовая у плеч и гораздо светлее внизу, там, где над узкими бедрами видны круглые ямочки, а упругие ягодицы совсем бледные.

Ягодицы.

Он же голый!

Lakuriq![2 - Голый! (алб.)]

Zot![3 - О господи! (алб.)]

Его длинные мускулистые ноги теряются под скрученным серым одеялом и серебристыми шелковыми простынями, только одна ступня торчит над краем матраса. Мужчина шевелится, и мышцы на спине перекачиваются под кожей, будто волны, а веки поднимаются, открывая затуманенные ярко-зеленые глаза. У Алессии перехватывает дыхание. Сейчас он рассердится. Подумает, что это она его разбудила. Их взгляды встречаются, однако мужчина отворачивается и снова засыпает. Алессия с непередаваемым облегчением выдыхает.

Shyqyr Zotit![4 - Слава тебе, господи! (алб.)]

Чувствуя, как горят от смущения щеки, Алессия на цыпочках пятится из спальни и летит по длинному коридору в гостиную, где, опустив на пол ведро с тряпками и губками, принимается собирать разбросанную мужскую одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Хорошо (алб.).

2

Гольй! (алб.)

3

О господи! (алб.)

4

Слава тебе, господи! (алб.)

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/e-dzheyms/mister>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)